

Русскоязычные как часть населения Эстонии: 15 лет спустя.

В. ЯКОБСОН

Цель данной статьи – представить русскоговорящих жителей Эстонии российскому читателю как часть населения Эстонии, которая отличается от коренного населения в первую очередь родным языком, отчасти правовым статусом, потребляемыми источниками информации, а также проанализировать формирующиеся у них в 2000-х годах коллективные идентичности. Статья имеет обзорный характер и опирается на различные исследования, опросы аудитории, медиамониторинги, сделанные эстонскими и западными социологами в 1990–2000-х годах, в том числе исследование «Я, мир и медиа», осуществляемое с 2002 г. группой социологов отделения журналистики и коммуникации Тартуского Университета.

Общие данные

Терминология и история исследований

В 2005 г. доля неэстонцев среди населения Эстонии составила 31,5% из общего числа жителей Эстонии, которое составляет 1 347 500 человек [Сайт Департамента Статистики]. 90% их считает русский язык родным, поэтому для их обозначения используется термин *русскоязычные*.

В данной статье я избегаю термина «диаспора», многозначность и противоречивость которого описана в предисловии к проекту Mapping Diasporic Minorities And Their Media In Europe [2002]. Н. Космарская в статье в журнале «Диаспоры» [Космарская 2002, с. 110–111], ссылаясь на британских исследовательниц Х. Пилкингтон и М. Флинн, говорит об искусственной «диаспоризации» этнических групп, имеющих культурную и историческую связь с Россией, посредством термина «соотечественники». Творцами этой «диаспоризации», по ее мнению, стали в первую очередь СМИ и оппозиционные Кремлю политики националистической ориентации. При этом «забота о соотечественниках» никогда не приносила пользы «защищаемым», усиливая напряженность в отношениях с титульным населением страны. Как пишет Р. Симонян «наша диаспора в странах Балтии для нынешнего российского олигархического капитала служит или разменной монетой, или орудием политического шантажа. Ее подлинные интересы за прошедшие 14 лет никого во властных структурах России по-настоящему не волновали» [Симонян 2005, с. 137]. В результате, упоминание о «соотечественниках» представителями российских политических институтов вызывает настороженность как у эстонцев, так и у местных русскоязычных. Тем более естественно это в ситуации, когда лишь 3% молодых, 17% людей 24–39 лет и 23% людей 40–59 лет считают Россию своей Родиной, тогда как 72%, 54% и 49% соответственно – Эстонию [Hallik 2006, с. 17]¹.

Норвежский политолог П. Колсто уже в 1996 г. писал об этой проблеме: «С различных стартовых точек зрения как российское государство, так и политические лидеры пост-советских государств пришли к одному выводу: они рассматривают русскоязычные диаспоральные сообщества в так называемом “ближнем зарубежье” как “экстра-территориальные”, т. е. более связанные с Россией, чем со странами проживания. Однако сами русскоязычные за пределами России пришли к выводу, что такой экстра-

¹ Нужно однако учитывать, что хотя среди старшего поколения процент считающих Эстонию своей родиной выше, чем процент родившихся здесь (по данным «Я, мир и медиа» в Эстонии родились 39% людей 45–54 лет и 21% людей 55–65 лет, среди молодежи в возрасте до 29 лет наоборот, в Эстонии родились около 90% русскоязычных), тот факт, что они не считают своей родиной и Россию, говорит об определенном негативизме, об ощущении в широком смысле «бездомности», возможно, о большей значимости для них ориентации на другие референтные группы.

территориальный статус не входит в их интересы, и ведут политическую борьбу за то, чтобы их признали за местных» [Kolstø 1999, с. 628–629].

Русскоязычное население стран Балтии исследовалось многими европейскими и американскими исследователями с начала 1990-х годов. Западных исследователей в основном интересовал вопрос, насколько стабильной или наоборот, потенциально конфликтной является ситуация в Эстонии и Латвии, поскольку эти страны сразу после восстановления независимости провозгласили курс на интеграцию в НАТО, ЕС и другие международные институты. В Эстонии систематическое изучение русскоязычного населения началось в 1996 г. с того момента, как наиболее прогрессивная часть эстонской культурной, научной и политической элиты публично признала тот факт, что русскоязычные никуда не уехали, не ассимилировались, следовательно, надо изучать эту часть населения страны и учиться сосуществовать с ней.

Что касается тематики исследований, ученые концентрировались на проблемах политической и экономической депривации русскоязычных [Anderson 1997; Birkenbach 1998; Offe 1996 etc.], миграции из пост-советских стран [Pilkington 1998; Субботина 1997; etc], политической лояльности неэстонцев [Aasland 1996; Haab 1998; Kirch A., Kirch M. 1995; Linz, Stepan 1996; Raid 1996; Smith, Wilson 1997 etc.], адаптации русскоязычных к изменившимся условиям [Lauristin et al. 1997; Лебедева 1998].

Межэтнические отношения в Эстонии и взаимные установки русских и эстонцев изучали К. Оффе (1996), Р. Ветик (1999), Ю. Круусвалл, К. Халлик, М. Павельсон (1996, 1997, 2000; 2002). Проблемой толерантности в обществе Эстонии занимались И. Петтай (1997, 2000, 2002, 2006), П. Таммпуу (1999, 2000, 2002, 2004). Т. Вихалемм в своем исследовании ценностей жителей Эстонии сравнивала между собой ценности различных национальных и возрастных групп [Vihalemm 1997, с. 265–279].

Проблемой конструирования неэстонцев в эстонской прессе занималась П. Петерсоо (1997), отражением межнациональных отношений в прессе – М. Раудсепп (1998), Р. Ветик (1999). Различными темами, связанными с ролью СМИ в интеграции общества Эстонии занимались Т. Вихалемм, О. Гринько, К. Кортс, Р. Кыутс, О. Пересильд, Д. Трапидо, В. Якобсон в 1999–2004 гг.

Группа социологов отделения журналистики и коммуникации Тартуского университета под руководством П. Вихалемма и М. Лауристин изучала проблемы, связанные с социально-политической трансформацией общества Эстонии на протяжении последних 15 лет. В этих исследованиях эстонцы и русскоговорящие рассматривались как участники социально-политических процессов переходного периода и сравнивались по ряду критериев между собой [Lauristin et al. 1997, Lauristin, Heidmets 2002]. С 2002 г. проводится исследование «Я, мир и медиа», цель которого «создание социологически целостной картины изменений, происходящих в обществе Эстонии, описание *жизненного мира* жителей Эстонии, ... осуществляемое через так называемую *медиапризму*» [Kalmus, Lauristin, Prulman-Vengerfeldt 2004, с. 23]. Среди вопросов исследования – анализ ценностных ориентаций жителей Эстонии, их коллективные идентичности, контакты с внешним миром/за пределами Эстонии, жизненный уклад и культурные предпочтения, потребление традиционных и новых медиа, политическая активность, потребительские ориентации, социально-экономическое расслоение.

Законодательный фон

После восстановления независимости ЭР 20 августа 1991 г. высшими органами ЭР были приняты правовые акты, которые, наряду с прочими правовыми актами и другими событиями, повлияли на условия жизни русскоязычного населения Эстонии. Эти акты, их специфическое содержание и некоторые особо важные поправки можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 1. **Правовые акты, повлиявшие на условия жизни русскоязычного населения Эстонии**

Дата принятия	Правовой акт	Специфическое содержание, повлиявшее на условия жизни русскоязычного сообщества
28.06.1992 г.	Основной Закон ЭР	Определил такие атрибуты эстонской государственности как подчеркивание роли государства в развитии эстонской культуры и обеспечении ее сохранения в течение «длительного времени (Преамбула); признание эстонского языка государственным языком ЭР (§ 6), языком делопроизводства в государственных и местных органах управления (§ 52), установление права на образование на эстонском языке для каждого (§ 37); установление этнокультурных принципов натурализации (языковая компетенция) (§ 8); предоставление привилегий по этническому происхождению при получении гражданства (§ 8) [Puutsoo 2000, с. 237].
18.01.1989 г.	Закон о языке	Провозгласил эстонский язык официальным языком ЭССР. Установил право на использование эстонского языка и гарантированную возможность использования русского языка частными лицами в делопроизводстве и для общения в органах власти и управления.
21.02.1995 г.	Закон о языке	Государственным языком ЭР провозглашен эстонский язык. Любой другой язык считается в Эстонии иностранным. Родной язык граждан Эстонии, принадлежащих к проживающему в Эстонии национальному меньшинству, считается языком национального меньшинства. Эстонский узаконен как язык делопроизводства в государственных учреждениях и местных самоуправлениях. В тех областях, где более половины населения принадлежат к национальному меньшинству, внутреннее делопроизводство в местных самоуправлениях может вестись на языке меньшинства с разрешения Правительства ЭР (о таком разрешении горсоветы городов Северо-Востока неоднократно ходатайствовали, но оно не было получено). Установлены требования к знанию эстонского языка депутатами органов местного самоуправления и Парламента.
16.05.1996 г.		Принята поправка об использовании вывесок, указателей, рекламы в общественных местах только на эстонском языке за исключением тех регионов, где более половины населения говорит на языке национального меньшинства.
14.07.2000 г.		Установлен порядок использования эстонского языка НПО, частными предприятиями, целевыми учреждениями: он должен использоваться только если этого требуют общественные интересы, общественный порядок, безопасность труда, интересы потребителя, охрана здоровья. Оговорено, что требования к знанию языка должны быть обоснованными и целесообразными.
02.1992 г.	Закон о гражданстве	Провозгласил гражданами ЭР лиц, живших в Эстонской Республике до 1940 г. и их потомков, супругов граждан ЭР и лиц, поддержавших в 1990–1991 гг. Конгресс Эстонии. Закон

01.04.1995 г.	Закон о гражданстве	фактически исключил 90% русскоязычных из процесса строительства эстонского государства, поскольку лишь около 10% русскоязычных могли получить гражданство автоматически или в упрощенном порядке. В качестве условий натурализации, к экзамену на знание эстонского языка и цензу оседлости в ЭР (5 лет) добавлены экзамен на знание Конституции ЭР и Закона о гражданстве. Введение упрощенного порядка натурализации для детей, родившихся после 26.02.1992 г. Принятие первых поправок, облегчающих сдачу экзамена для получения гражданства для инвалидов. Экзамен по эстонскому языку на любую профессиональную категорию, а также школьный экзамен на знание языка приравнены к натурализационному экзамену. Правительство разрешило школьникам сдавать экзамен на знание Конституции ЭР и закона о гражданстве как часть школьного закона по граждановедению.
08.12.1998 г.		
14.06.2000 г.		
30.06.2000 г.		
14.01.2002 г.		
08.07.1993 г.	Закон об иностранцах	Жители Эстонии, не являющиеся ее гражданами, были признаны иностранцами (aliens), которые должны ходатайствовать о виде на жительство и на работу. Были установлены условия получения видов на жительство. Приняты поправки, позволившие воссоединение семей вне въездной квоты, узаконившие выдачу временных видов на жительство несовершеннолетним или нуждающимся в уходе совершеннолетним детям постоянных жителей ЭР. Поправки, определяющие изменение статуса с постоянного жителя ЭР на статус долговременного жителя. Статус базируется на праве ЕС и в перспективе предоставляет лучшие условия трудоустройства и доступа к социальным гарантиям в других странах ЕС. С этим документом у лиц, не имеющих гражданства ЭР, была связана надежда на получение права безвизового передвижения и легальной работы в странах ЕС, однако это право появится у них лишь с присоединением ЭР к Шенгенскому визовому пространству (ожидается осенью 2007 года).
12.06.2002 г.		
19.04.2006 г.		
23.03.1992 г.	Закон об образовании Закон о средней школе и гимназии	Установил обязательное изучение эстонского языка в иноязычных школах. В качестве языка преподавания узаконен эстонский язык. «В отдельных классах гимназической ступени муниципальной и государственной школы может быть и какой-либо иной язык. Разрешение на осуществление преподавания на другом языке дает Правительство ЭР на основе ходатайства, представленного местным самоуправлением» (§ 9 (1)). Переход на эстонский язык преподавания в гимназии должен был быть осуществлен к 2000 г. Переход на эстонский язык обучения в государственных и муниципальных гимназиях должен начаться не позднее 2000 г. «Переход на эстонский язык обучения в государственных и муниципальных гимназиях должен начаться не позднее 2007/2008 гг.». Внесено уточнение, что «Языком преподавания в школе или классе считается тот язык, на котором ведется как минимум 60 % учебной работы».
15.09.1993 г.		
04.04.2000 г.		
16.10.2002 г.		
26.10.1993 г.	Закон о культурной автономии	Закон дал статус национальных меньшинств лишь группам, которые насчитывают не менее 3000 граждан ЭР, которые желают сохранять свои культурные особенности, плюс 4 «историческим» меньшинствам: немцам, русским, шведам и евреям – без учета реальной демографической ситуации и правового статуса большинства неэстонцев. Таким образом артикулированное право

		на сохранение этнической принадлежности, культуры, родного языка и религии было закреплено за меньшей частью неэстонцев.
10.06.1998 г.	Парламентом одобрены «Основы интеграционной политики эстонского государства по интеграции неэстонцев в общество Эстонии»	Цель интеграции была сформулирована как с одной стороны объединение общества на основе владения эстонским языком и эстонского гражданства, с другой стороны – сохранение этнических различий и признание культурных прав этнических меньшинств. Были выделены 3 основные сферы интеграции: Коммуникативно-языковая интеграция, т. е. воспроизведение в Эстонии единого информационного пространства и эстонской языковой среды в условиях многообразия культур и толерантности. Политико-правовая интеграция, т. е. формирование лояльного Эстонскому государству населения и уменьшение количества людей, не имеющих гражданства Эстонии.
14.03.2000 г.	Правительство м принята «Государственная Программа «Интеграция в эстонском обществе. 2000–2007 гг.»	Социально-экономическая интеграция, т. е. достижение каждым членом эстонского общества конкурентоспособности и общественной мобильности.

В результате принятия этой Программы было образовано Целевое Учреждение интеграции неэстонцев, через которое началось финансирование проектов по изучению эстонского языка², по сотрудничеству между молодежью различных национальностей, по организации 2-язычных культурных мероприятий, экспериментальных СМИ, по поддержке культурных обществ нацменьшинств, по выпуску учебных пособий, облегчающих сдачу экзамена на гражданство и т. д. Проводились рекламные медиакампании, направленные на повышение толерантности общества, исследования, в рамках которых изучались интеграционные процессы и состояние межэтнических отношений и т. д. [см. Monitoring the EU Accession Process: Minority Protection in Estonia 2002, Secretariat of the Framework Convention... 2004].

Далее в Программе интеграция обозначалась как двусторонний процесс. Однако для значительной части эстонского общества было свойственно сведение понимания интеграции к изучению неэстонцами эстонского языка, тогда как имела и имеется острая потребность в социальной интеграции общества Эстонии в широком смысле, во всех перечисленных выше сферах. Однако и по сей день во всех сферах, кроме культурно-языковой, предприняты лишь первые усилия: так, с 2003 г. проводятся программы по социально-экономической интеграции безработных русскоговорящих жителей Северо-Востока Эстонии [Secretariat of the Framework Convention... 2004, с. 54], Целевое Учреждение интеграции сотрудничают с региональными Департаментами занятости при осуществлении интеграционных проектов, в том числе поощряет занятость в этих проектах безработных. Однако пока эти усилия остаются локальными, поскольку не скоординированы усилия различных институтов, в том числе государственных, местных самоуправлений, гражданского общества во многих сферах и т. д. Выработка соответствующих поправок и осуществление различных законов осуществляется

² Был профинансирован выпуск дополнительных пособий по языку, оборудованы кабинеты эстонского языка во многих школах с русским языком обучения, значительные средства выделялись на летние «языковые лагеря» и на летнее проживание подростков из русскоязычных семей в эстонских семьях, неоднократно проводились курсы эстонского языка для безработных, полицейских, учителей и т. д. С 1999 г. была запущена программа INTEREST, которая позволяла возвращать 50% средств, затраченных на изучение языка на курсах, при условии успешной сдачи экзамена на гражданство. С 2005 г. введена программа возврата 100% средств. С 2000 г. в рамках программы PHARE начали финансироваться бесплатные курсы языка для безработных и т. д.

отдельными министерствами на индивидуальной основе, при отсутствии общей координации [Monitoring the EU Accession Process... 2002, с. 244].

Правовой статус

С 1992 по 2006 гг. доля неграждан в населении Эстонии сократилась с 32% до 18% [Ibid.]. Причем из 170 тыс. граждан Эстонии, для которых родным языком является русский, 137 617 человек получили гражданство в порядке натурализации.

На 2006 г. неэстонская часть населения Эстонии (406 тыс.) по своему правовому статусу разделяется на следующие группы (см.: Рис. 1):

Рис. 1

В отличие от граждан Эстонии неграждане не обладают рядом прав, которые можно коротко обозначить следующим образом:

Политические: голосовать и быть избранными на выборах Рийгикогу (парламента); быть избранными в органы местного самоуправления, участвовать в выборах в органы местного самоуправления, если они прожили на территории данного самоуправления менее 3 лет.

Социальные: работать на государственной службе и в органах местного самоуправления (в полиции, на таможне, быть прокурором или судьей, нотариусом или адвокатом, ректором университета, академиком, членом Совета Банка Эстонии); законно приобретать и носить оружие; выезжать из Эстонии на срок свыше 183 дней без регистрации в Департаменте Гражданства и Миграции. Ездить без визы в те страны, в которые могут ездить граждане ЭР; получать консульскую помощь, в том числе при оформлении свидетельства на возвращение в страну в случае утери удостоверяющего личность документа со стороны иностранных представительств Эстонии за рубежом; при подаче ходатайства о виде на жительство только супруги постоянно проживающих в ЭР неграждан обязаны доказывать наличие источника постоянного легального дохода. На супругов граждан ЭР требование о наличии дохода не распространяется.

Культурные: пользоваться защитой в качестве национального меньшинства, поскольку к национальным меньшинствам относятся только граждане Эстонии³.

В то же время следует отметить, что независимо от наличия гражданства все жители ЭР, проживающие здесь на законных основаниях, имеют право на полный пакет социальных гарантий и пособий. Те неграждане, кто прожил на территории местного самоуправления более 3 лет, имеют право голоса на местных выборах.

³ Подробное описание разницы между правами натурализованных и «наследственных» граждан, а также граждан и неграждан можно найти в отчете «Различия в правах между жителями Эстонской Республики, закрепленные в Правовых Актах» [<http://www.lichr.ee/rus/dokladi/tematich/razl1.htm>].

В качестве основной сложности, препятствующей натурализации, 61% лиц без гражданства и 73% граждан России называют высокие требования к знанию языка [Polestchuk 2004]. Действительно, 40% русскоязычных граждан ЭР и только 15–17% граждан России и лиц без гражданства владеют эстонским свободно или почти свободно [Я, Мир и Медиа 2005]. Очевидно, что изучение эстонского языка тормозилось и до сих пор тормозится рядом следующих обстоятельств, таких как:

отсутствие достаточной среды общения на эстонском языке в городах Северо-Востока Эстонии, где русскоговорящие составляют от 75% до 96% населения, и в определенной мере в Таллине, где русскоязычные составляют около половины населения;
недостаточная эффективность преподавания эстонского языка в основной школе в 1990-х годах;

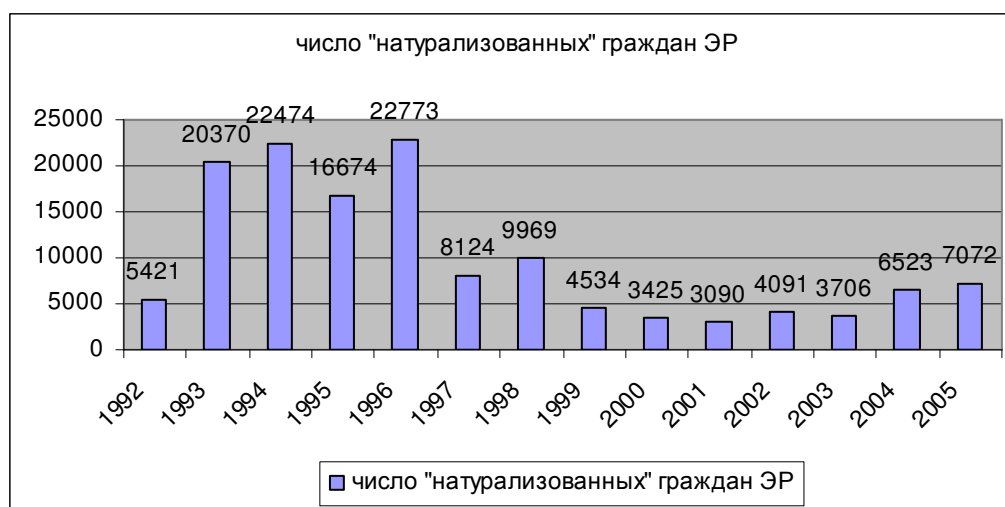
высокая стоимость курсов эстонского языка и отсутствие финансовой поддержки при его изучении до 1999 г.;

наличие и сохранение «русских» предприятий, где большинство работников и часть управленцев, а отчасти и владельцы – русскоязычные;

Ориентированность части населения лишь на русскоязычные СМИ и т. д.

Естественно, что эти сложности при изучении языка повлияли на низкие темпы натурализации (см.: Рис. 2).

Рис. 2

Источники: [Polestchuk 2004, Estonian Migration and Citizenship Board Yearbook 2006].

Русскоязычные граждане ЭР

На основании данных «Я, мир и медиа»⁴ можно сказать, что не только знание языка, но и другие признаки отличают сегодня граждан Эстонии и людей с другим правовым статусом. Большая часть нынешних русскоговорящих граждан ЭР – 65% – родились в Эстонии (ср. с 35% граждан России и 53% лиц без гражданства). Они намного моложе, чем русскоязычные жители ЭР в среднем: среди них 33% людей 15–29 лет (в среднем 29% среди эстонцев и 28% среди русскоязычных).

⁴ Здесь и далее используются данные опроса 2005 г.: репрезентативная выборка, опрошены 1475 человек, опрос проводился со 2 по 23 ноября 2005 г. исследовательским центром Faktum, в ходе интервью использовалась методика *лицом к лицу* дома у респондентов.

Образовательный уровень русскоговорящих граждан выше, чем у русскоязычных с другим правовым статусом: людей с высшим образованием среди них 29% (в среднем среди эстонцев 24%, среди русскоязычных 21%). Отчасти это связано с возрастной структурой граждан, среди которых намного больше людей 20–29 лет, чем среди русскоязычных с другим правовым статусом и эстонцев (см. Таблицу 2). В свою очередь, именно среди этой возрастной категории много людей с высшим образованием.

Таблица 2. **Возраст эстонцев и русскоязычных с различным правовым статусом**

Возраст	Эстонцы	Все русскоязычные	Русскояз. граждане ЭР	Граждане РФ	Лица без гражданства
15–19 лет	11	9	10	9	7
20–29 лет	18	19	23	12	19
30–44 года	27	26	27	16	32
45–54 года	16	21	19	27	20
55–64 года	15	12	12	12	13
65–74 года	13	13	9	24	9

Русскоязычные граждане также чаще ходят на курсы повышения квалификации, хотя и чуть реже чем эстонцы: за последние 5 лет такие курсы посещали 51% эстонцев, 46% русскоязычных граждан ЭР, 37% граждан РФ и 33% лиц без гражданства. Они лучше знают и чаще используют английский язык (44% граждан и 34% неграждан используют его время от времени или регулярно). Они намного больше смотрят эстонские и западные телеканалы, хотя меньше, чем другие группы – российские, следят за местными русскоязычными СМИ в той же мере, как группы с другим правовым статусом, т. е. потребление ими СМИ более разнообразно, чем у других групп русскоязычных.

Они используют компьютеры в той же мере, как эстонцы (только 34% не используют, 34% используют разнообразно), и в большей степени, чем граждане РФ (46% не используют, 28% используют разнообразно) и неграждане (49% не используют, 31% используют разнообразно). Использование ими Интернета (30% используют интенсивно) также более интенсивно, чем использование его гражданами РФ и негражданами, 47% которых не используют Интернет, а 18% используют интенсивно (см.: Рис. 3). То есть их культурный капитал выше и гораздо более востребован в современном обществе, чем у лиц с другим правовым статусом, а информационное поле – шире.

Рис. 3

Уровень социально-политического оптимизма этой группы русскоязычных также выше, чем у лиц с другим правовым статусом, хотя и ниже, чем у эстонцев в среднем: они более позитивно, чем лица с другим правовым статусом, оценивают развитие экономики ЭР и демократии, гражданских прав и свобод, отношения между русскими и эстонцами, изменения за последние 15 лет и вступление Эстонии в ЕС.

При этом нельзя сказать, что их доход намного выше, чем у русскоязычных с другим правовым статусом: среди граждан лишь 7% лиц ответили, что имеют доход свыше 340 EUR (ср. 13% среди граждан России и 17% в среднем среди эстонцев). Однако среди них больше людей со средним доходом и меньше расслоение по уровню дохода, чем среди лиц с другим правовым статусом. Среди них также довольно высок процент владельцев недвижимости (26%) – выше, чем среди граждан РФ (17%) и лиц без гражданства (21%), хотя и намного ниже, чем среди эстонцев (39%). Также, среди них намного больше специалистов и работников умственного труда (по 23% среди эстонцев и русскоязычных граждан ЭР, 12% среди граждан России и 5% среди лиц без гражданства). То есть совокупно они обладают несколько большим социальным и материальным капиталом, чем русскоязычные с другим правовым статусом.

При этом, их субъективная оценка своего социально-экономического статуса намного выше, чем у других групп русскоязычных: 24% их относят себя к средне-высшему слою (по 12% среди групп с другим правовым статусом) и 10% к высшему слою (10% граждан России, 4% лиц без гражданства и 14% эстонцев) (см.: Таблицу 3).

Таблица 3. К каким социальным слоям относят себя эстонцы и русскоязычные с различным правовым статусом

Социальный слой	Эстонцы	Все русскоязычные	Русскояз. граждане ЭР	Граждане РФ	Лица без гражданства
Низший	10	13	9	21	14
Низший-средний	17	21	20	21	23
Средний	33	36	34	35	40
Высший-средний	21	18	24	12	12
Высший	15	8	9	10	4
Не ответили	4	5	5	2	6

При этом нельзя сказать, что эти люди ориентированы только на Эстонию: среди них даже чуть больше людей, которые хотели бы уехать из Эстонии, чем среди русскоязычных с другим правовым статусом, причем ориентируются они в основном на страны Запада. Нельзя также сказать, чтобы они являлись наиболее политически активной частью русскоязычного населения Эстонии: уровень политической апатии среди них примерно такой же, как и среди групп с другим правовым статусом, и намного выше, чем среди эстонцев. Правда, уровень доверия политическим институтам ЭР несколько выше, чем среди других групп русскоязычных, однако это скорее связано с возрастной структурой граждан ЭР, поскольку уровень доверия юных граждан ЭР институтам своей страны одинаково высок независимо от родного языка.

Не рискуя делать какие-либо выводы до дальнейшей обработки данных, я все же сделаю следующее осторожное предположение в отношении русскоязычных граждан ЭР: похоже, что эта часть населения Эстонии становится важным сегментом формирующегося среднего класса. Отнесение себя к «средне-высшему» слою делается ими не столько на основе дохода, сколько на основе субъективной оценки своего культурного и образовательного потенциала, обладания более широким спектром информации за счет владения государственным и иностранными языками, потребления более широкого

спектра СМИ и более интенсивных связей со странами Запада. Значительная их часть ориентируется на дальнейшее повышение своего образовательного и профессионального потенциала и реализацию его в том числе в странах ЕС.

Русскоязычные в политической сфере

Не только правовой статус, но и желание участвовать в политике, хотя бы на местном уровне, уровень доверия политическим институтам, уровень гражданской активности определяет профиль русскоязычного сообщества в политической сфере. В среднем уровень доверия политическим институтам у русскоязычных ниже, чем у эстонцев, а уровень политической апатии выше (высокий уровень апатии наблюдается у 21% эстонцев и 28% русскоязычных).

Наиболее близкими между собой являются позиции эстонцев и неэстонцев школьного возраста, 15–19 лет. Их отличает низкий уровень апатии и высокий уровень доверия государственным институтам. Их установки в этом отношении схожи с установками эстонцев старше 55 лет. Наибольший же уровень апатии свойствен людям трудового возраста – 20–44 лет (как русским, так и эстонцам), которые, видимо, в этом возрасте заняты решением других жизненных проблем.

Оказалось, что наиболее высокий уровень недоверия политическим институтам, свойствен русскоязычным 30–44 лет и эстонцам 45–54 лет.

Можно предположить, что на установки эстонцев 45–54 лет могло повлиять то, что по сравнению с более молодыми, они оказались в роли проигравших: их доходы несколько ниже, чем доходы людей 20–44 лет (например, 29% эстонцев 20–29 лет и лишь 17% эстонцев 45–54 лет зарабатывают более 340 EUR на члена семьи в месяц), среди них меньше владельцев предприятий (11%), чем, например, среди людей 30–44 лет (17%), лишь 13% их относят себя к высшему социальному слою и 16% к высшему-среднему слою (ср. соответственно 18% и 31% молодых 15–19 лет, 18% и 27% людей 20–29 лет). В этом же положении оказались и русскоязычные 30–44 лет: четверть из них имеет доход менее 100 EUR на члена семьи (в среднем 15% среди русскоязычных), лишь 8% их имеет доход более 340 EUR в месяц (среди более молодых групп русскоязычных – 9%, среди эстонцев в среднем 17%). Они в среднем ниже оценивают свою социальную принадлежность, чем русскоязычные до 29 лет. То есть они чувствуют себя проигравшими и по отношению к другим возрастным группам, и по отношению к эстонцам.

Эти экономические причины, наряду с другими, могли повлиять на уровень их доверия политическим институтам, высокий уровень апатии, несколько более негативную оценку изменений в Эстонии за последние 15 лет, чем у других возрастных групп – как у русских, так и у эстонцев. Однако нужно учитывать, что первая половина 1990-х годов, когда неэстонцам явно давали понять, что они здесь нежеланны, им не доверяют, не воспринимают их как равноправных участников строительства нового государства, серьезно травмировали сознание как старшего поколения, так и того поколения, чье взросление и начало карьеры пришлось на времена особенно быстрых и резких изменений. На установки же самого молодого поколения оказывает влияние не только семья, но и школа. Поэтому неудивительно, что основным критерием, по которому различаются установки русскоязычных в политической сфере, является возраст.

Говоря о поведении и установках русскоязычных в политической сфере, стоит также отметить, что к 2000-м годам партии, сформированные по этническому признаку, показали свою нежизнеспособность. Если на выборах 1995 и 1999 гг. Объединенная Народная Партия Эстонии и Русская Партия Эстонии еще набирали достаточное число голосов, чтобы образовать фракцию из 6 человек (в 1999 г. за них голосовали 39500 человек), то несмотря на постоянный рост числа русскоязычных граждан ЭР, на выборах в марте 2003 г. эти партии не набрали достаточного числа голосов. Например, РПЭ на тех

выборах получила лишь 0,2% всех голосов (в выборах принимали участие 23% всех русскоязычных). Однако голосовали они либо за депутатов-эстонцев, либо за тех русскоязычных депутатов, которые вступили в партии, основанные не по принципу этнической принадлежности, а на определенной идеологии и мировоззрении.

В заключение можно сказать, что русскоязычные независимо от своего правового статуса все же гораздо более аморфны в своих политических взглядах, чем эстонцы: 76% эстонцев и лишь 57% русскоязычных определились в своих политических предпочтениях. На сегодняшний день симпатии политически активных русскоязычных в основном распределились между левоцентристской Центристской партией (поддерживают в первую очередь лица без гражданства и лица старшего возраста) и правоцентристской Партией Реформ (меньшая поддержка, чем Центристской Партии, поддерживают в первую очередь молодые граждане ЭР).

Русскоязычные: социально-экономический аспект

Мы уже затронули тему дохода и владения собственностью в связи с гражданством русскоязычных и предположили, что может иметь место некоторая связь между материальным благополучием и уровнем доверия государственным институтам. Далее рассмотрим такие характеристики как доход, владение предприятиями и их акциями, их социально-профессиональный статус и сравним по этим параметрам русскоязычных, принадлежащих к различным возрастным группам и с различным правовым статусом, и эстонцев.

При сравнении дохода эстонцев и неэстонцев в расчете на члена семьи становится очевидно, что доходы эстонцев во всех возрастных группах выше. Наиболее велик разрыв между доходами эстонцев и неэстонцев в возрасте 20–29 лет (например, лишь 9% русскоязычных и 29% эстонцев этого возраста имеют доход свыше 340 EUR на члена семьи, среди русскоязычных этого возраста больше всего имеют доход ниже 100 EUR (см.: Таблицу 4)). Отчасти низкий доход может объясняться тем, что именно у людей этой возрастной группы есть несовершеннолетние дети. По данным Халлик, Саар и Хелемяэ, русскоязычные именно в возрасте 30–39 лет в конце 1990-х годов подвергались наибольшему риску потери работы [Халлик, Саар, Хелемяэ 2001, с. 66].

Таблица 4. Доход эстонцев и русскоязычных в различных возрастных группах в 2005 г. (в %)

Возраст	15–19		20–29		30–44		45–54		55–64		65–74	
	Эст.	Русс.	Эст.	Русс.	Эст.	Русс.	Эст.	Русс.	Эст.	Русс.	Эст.	Русс.
≥ 100 EUR	19	16	7	13	20	26	11	22	6	8	7	15
100-160 EUR	23	29	11	18	14	21	18	20	21	31	25	48
161-255 EUR	20	34	28	36	30	29	32	28	32	27	49	26
255-340 EUR	18	4	20	17	17	12	21	17	20	23	12	8
≤ 341 EUR	13	9	29	9	17	8	15	8	17	8	5	0

Гражданство также оказывает некоторое влияние на доход: доход граждан ЭР в среднем несколько выше, чем доход граждан РФ (среди последних сильнее расслоение по уровню дохода), наименьший доход получают лица без гражданства (см.: Таблицу 5). Однако нельзя сказать, что гражданство напрямую обуславливает доход: скорее,

описанная совокупность «капиталов», способствующих обретению гражданства, в том числе и возраст, способствует и получению ими несколько более высокого дохода.

Таблица 5. Доход эстонцев и русскоязычных с различным правовым статусом

Доход	Эстонцы	Все русскоязычные	Русскояз. граждане ЭР	Граждане РФ	Лица без гражданства
≥ 100 EUR	13	18	17	18	21
100-160 EUR	18	25	22	31	27
161-255 EUR	32	30	32	22	32
255-340 EUR	18	14	14	14	14
≤ 341 EUR	17	7	7	13	2

Естественно, рассматривать доход следует в связи с тем, каков социально-профессиональный статус эстонцев и русскоязычных (см.: Таблицы 6 и 7).

Таблица 6. Социально-профессиональный статус эстонцев и русскоязычных, принадлежащих к различным возрастным группам в 2005 г. (в %)

Возраст	15–19		20–29		30–44		45–54		55–64		65–74	
	Эст.	Русс.	Эст.	Русс.	Эст.	Русс.	Эст.	Русс.	Эст.	Русс.	Эст.	Русс.
Неработающий	1	4	4	16	6	11	10	11	26	32	74	93
Рабочий	5	9	26	22	28	40	32	46	30	30	10	0
Учащийся	82	79	15	18	1	1	0	1	0	0	0	0
Служащий, вспомогат. специалист	7	4	16	15	15	14	11	11	6	9	4	1
Специалист, работник умственного труда	3	0	29	20	29	18	31	20	23	17	5	4
Владелец, руководитель	2	0	10	6	20	12	14	9	14	9	7	0

Существенно, что среди русскоязычных в возрасте 30–54 лет больше рабочих, чем среди эстонцев, а среди эстонцев всех возрастов больше специалистов, работников умственного труда, владельцев фирм. В 1990-х годах именно рабочие и служащие вторичного сектора, где работает значительная часть русскоязычных, подвергались наибольшему риску остаться без работы [Халлик, Саар, Хелемяэ 2001, с. 31].

Следует также отметить, что среди русскоязычных старше 55 лет больше неработающих, чем среди эстонцев. В определенной мере это может быть связано с их сниженной конкурентоспособностью на рынке труда, которая в свою очередь связана с низким уровнем знания ими эстонского языка, зачастую устаревшим образованием и неприменимыми в новых условиях профессиональными навыками, нежеланием работодателей переучивать пожилых людей и предпочтением молодых (но уже имеющих опыт работы) кадров.

Таблица 7. Социально-профессиональный статус эстонцев и русскоязычных с различным правовым статусом в 2005 г. (в %)

Статус	Эстонцы	Все	Русскоязычные	Граждане	Лица без
--------	---------	-----	---------------	----------	----------

		русскоязычные	граждане ЭР	РФ	гражданства
Неработающий	17	24	21	33	23
Рабочий	24	29	22	29	40
Учащийся	12	11	12	12	9
Служащий, вспомогат. специалист	11	10	12	6	12
Специалист, работник умственного труда	23	15	23	12	5
Владелец, руководитель	12	7	7	6	8

Также стоит упомянуть, что эстонцы в 2 раза чаще (10%), чем неэстонцы (5%), являются собственниками предприятий или их акций. В основном это люди 30–44 лет: 17% эстонцев и 9% русскоязычных этого возраста.

Хотя в Эстонии есть безработица, на сегодняшний день речь идет в первую очередь о структурной и региональной безработице. После открытия рынков рабочей силы некоторых стран ЕС для жителей стран – новых членов ЕС, многие квалифицированные рабочие и специалисты уехали работать в первую очередь в такие страны как Финляндия, Ирландия, Великобритания. В результате к 2005 г. образовался дефицит работающих в таких отраслях как строительство и транспорт, уехала часть врачей и квалифицированных медсестер. Помимо этого в течение нескольких лет в стране ощущается нехватка квалифицированных рабочих и инженеров ряда специальностей, молодых преподавателей, которые могли бы заменить работающих пенсионеров, особенно в школах с русским языком преподавания и т. д. Однако подготовка этих работников занимает много времени, а те, кто имеют соответствующие навыки, ищут возможность работать в других странах с более высокой оплатой.

Без работы же остается в основном молодежь, не имеющая опыта работы, но имеющая высокие запросы в отношении заработной платы, жители депрессивных регионов (в первую очередь Северо-Востока Эстонии, где уровень производства так и не восстановился после спада 1990-х годов), молодые матери, не имеющие востребованного специального образования, люди, чье знание эстонского языка не соответствует требованиям Закона о языке⁵.

Халлик, Саар и Хелемяэ указывают, что нет прямой зависимости между более низким доходом и профессиональным статусом русскоязычных – и наличием у них гражданства ЭР и знанием эстонского языка, однако этническая дифференциация, например, в структуре безработицы, очевидна [Халлик, Саар, Хелемяэ 2001, с. 31, 35].

По данным М. Павельсон, доход русскоязычных во всех отраслях (кроме рыболовства) ниже. Особенно велик разрыв в доходах в банковском деле и в бизнесе. Ниже доход, получаемый русскоязычными, когда они занимают те же социально-профессиональные позиции, что и эстонцы. Важную роль здесь играет регион

⁵ Угроза потери работы стоит и перед теми учителями школ с русским языком обучения, которые не смогут овладеть эстонским языком в такой степени, чтобы быть способными сдать экзамен на среднюю или высшую категорию. С одной стороны, для того, чтобы ориентироваться в современном эстонском обществе, знакомиться с новыми пособиями по специальности и т. д. преподавателям объективно необходимо знание государственного языка. Однако реальная ситуация такова, что совокупность описанных выше факторов не позволяет им быстро овладеть языком, как того требует закон, а заменить их пока нечем – значительная часть тех кадров, которых готовят университета, не идет работать в школу. Таким образом сложная ситуация на таком специфическом рынке труда как образование способствует увеличению напряжения собственно в системе образования. Такая же ситуация сложилась и в полиции, где множество рядовых работников из числа русскоязычных, особенно работающих на Северо-Востоке, не говорят по-эстонски.

проживания: в Таллинне люди зарабатывают больше, чем на Северо-Востоке или в Южной Эстонии, однако это более справедливо для эстонцев – неэстонцев же проживание в Таллинне не всегда спасает от низкого дохода и риска безработицы [Павельсон 2002, с. 45–46].

Русскоязычные как аудитория СМИ⁶

Описание русскоязычных как аудитории СМИ мне кажется важным, поскольку потребление СМИ в значительной мере задает контуры информационного пространства этой группы населения, определяет источники, из которых они получают информацию об обществе, в котором живут, о стране происхождения и мире. А наличие среди этого сообщества нескольких групп медиапотребителей с определенными характеристиками, позволяет продемонстрировать неоднородность этого сообщества. Выбранный подход предполагает рассмотрение их в сравнении с основным населением Эстонии – эстонцами.

В целом эстонцы являются более однородной аудиторией СМИ, чем русскоязычные. Можно сказать, что информационное пространство эстонцев независимо от их возраста, образования, дохода и места проживания имеет общий «стержень» в виде эстонского телевидения и радио (потребляют 98% эстонцев) и крупнейших ежедневных и еженедельных газет (потребляют соответственно 96% и 95% эстонцев). Среди эстонцев есть прямая зависимость между доходом и уровнем образования и потреблением медиапродукции: чем выше доход и уровень образования, тем выше активность в потреблении всех медиаканалов, тем разнообразнее их медиарепертуар.

У неэстонцев картина является гораздо более пестрой. Единый стержень, который бы образовывал их «эстонское медиaprостранство», отсутствует.

Просмотр телеканалов

Девяносто процентов русскоязычных регулярно смотрят российские телеканалы. В связи с этим эстонские политики и некоторые исследователи зачастую говорят об опасности, что русскоязычные черпают информацию об Эстонии из российских источников. Однако, российское ТВ редко упоминает об Эстонии и, как правило, выбирает такие темы и углы освещения, которые позволяют показать Эстонию как государство, недружественное русским и России. В свою очередь аудитория в основном использует телевидение как средство развлечения, источник информации о событиях в России и в мире. Нельзя не признать, что таким образом русскоязычные телезрители Эстонии усваивают российский взгляд на внешнеполитические события и зачастую смотрят на них с точки зрения российских интересов.

Нужно также отметить, что так называемые «балтийские версии» российских каналов являются специфическим феноменом, отличающимся от тех Первого канала, РТР и НТВ, к которым привык российский телезритель. «Первый балтийский канал» (ПБК) представляет собой содержательно кастрированную версию российского канала, плюс местная реклама и новости. «РТР планета» – просто содержательно препарированная версия канала РТР без местного элемента. Эти каналы в 2005 г. смотрели 85% русскоязычных. В силу наличия местной рекламы ПБК может восприниматься ими и как российский, и как местный канал.

Интересным феноменом являются также каналы НТВ–мир и RTVi. Их специфической чертой является то, что они предлагают «русский взгляд» на события в России и в мире и с точки зрения россиян, и с точки зрения тех, кто в разное время переехал за пределы РФ, в основном в США, Германию и Израиль. Возможно, это одна из причин того, что RTVi больше смотрят люди с высшим образованием.

⁶ Эта глава полностью основана на данных исследования «Я, мир и медиа» за 2002–2005 гг.

Мне бы еще хотелось отметить, что аудитория эстоноязычных каналов среди русских невелика (в среднем 33%, чуть выше потребление в возрастной группе 15–29 лет и среди людей старше 55 лет)⁷. То есть только треть русскоязычных включены в эстонское телепространство. Поскольку уровень владения русскими эстонским языком как минимум на уровне понимания гораздо выше, чем процент смотрящих эстонские телеканалы, следует признать, что причины такого низкого интереса не только лингвистические, но и культурные. Данные о потреблении различных групп телеканалов представлены в Таблице 8.

Еще меньше аудитория местных русскоязычных кабельных каналов (27%), что может быть связано и с ограниченной областью их распространения (определенные районы Таллинна), и со слабой конкурентоспособностью их содержания по сравнению, например, с оригинальными российскими каналами. Однако при этом новости по этим телеканалам смотрит большее число респондентов (33%, см.: Таблицу 8).

Следует отметить и то, что наиболее молодая часть аудитории больше смотрит как эстонские, так и западные телеканалы, они также используют ТВ в большей мере как источник развлечения и в меньшей – как источник информации и новостей.

Таблица 8. Русскоязычная телеаудитория: распределение по возрасту и образованию (% от русскоязычных респондентов, которые смотрят данный канал каждый день или несколько раз в неделю)

	Все	Возраст						Образование		
		15–19	20–29	30–44	45–54	55–64	65–74	ниже средне го	средн ее	выс шее
Первый Балтийский канал	85	83	78	88	85	83	90	81	88	79
РТР планета	85	80	76	90	85	81	92	83	86	80
RTVi	52	41	44	59	58	59	44	45	52	56
Международные каналы фильмов на русском языке (Hallmark, TV21)	46	58	49	51	50	36	29	59	48	35
Российские каналы старых фильмов (Наше кино)	51	42	41	63	53	59	41	53	56	39
Специализированные каналы на русском языке (Discovery, Travel, Sport, National Geographic, Animal Planet)	55	58	56	65	53	46	42	55	55	53
Euronews на русском языке	42	46	36	46	41	44	42	41	41	46
Музыкальные каналы	37	57	57	39	28	22	17	39	41	20
Эстонские каналы ETV, TV3, Kanal 2	33	36	35	26	35	37	41	36	30	40
TVCi	28	17	22	34	32	19	35	28	27	31
Местные русскоязычные кабельные каналы STV, TVN	27	13	26	26	29	31	39	22	27	31
Специализированные каналы на английском языке	22	54	23	25	12	17	11	30	20	22
Новости CNN, BBC	9	21	7	8	7	7	3	20	5	10
Каналы фильмов на английском языке	9	25	15	3	3	8	6	12	8	8

⁷ Это такие подгруппы, как жители городов Центральной и Южной Эстонии и сельской местности, где преобладает эстонское население, а также наиболее социально успешные, образованные жители городов, которые потребляют продукцию эстонских телеканалов наряду с другими медиаканалами, и чей медиарепертуар является наиболее разнообразным.

Прослушивание радиоканалов

В первую очередь русскоязычные слушают местные частные музыкальные радиоканалы (54%), затем общественно-правовой канал Радио 4 (44%), который значительно сдал свои позиции по сравнению с 2005 г. (тогда его регулярно слушали 75% русскоязычных), затем российские каналы (в основном в Северо-Восточной Эстонии), и только небольшая часть слушает эстонские радиоканалы – молодежь, жители центральной и южной Эстонии. Таким образом, дробление информационного поля русскоязычной аудитории продолжается.

Потребление печатной прессы

У эстонцев есть печатные издания, которые формируют их общее информационное поле, – крупнейшие ежедневные и еженедельные газеты. Например, ежедневные газеты общего содержания *Postimees* и *Eesti Päevaleht* регулярно или случайно в 2005 г. читали соответственно 79% и 70% эстонцев, вечернюю желтую газету *SL Õhtuleht* – 80%, деловой еженедельник *Äripäev* – 49%. У русскоязычных такого стержня нет. Ежедневные газеты *Вести дня* и *Молодежь Эстонии* читали соответственно 49% и 70% русскоязычных, причем только 12–20% регулярно, еженедельник *День за Днем* также 59%, 23% регулярно (эти данные сопоставимы с тем, как эстонцы читают свои еженедельные газеты). Местные газеты читают 79% эстонцев и 61% русскоязычных.

В отношении ежедневных и местных газет среди русскоязычной аудитории просматривается тенденция, что люди моложе 30 лет читают их меньше всего. Среди эстонцев же наоборот, молодежь 15–29 лет в среднем больше читает ежедневные газеты, чем люди старшего возраста.

Среди эстонцев имеется четкая связь между доходом и потреблением печатной прессы: чем выше доход, тем больше человек потребляет прессу. Среди русскоязычных наиболее активными потребителями являются люди с доходом 130–385 EUR. Те же, кто зарабатывают более 385 EUR на члена семьи, т. е. являются по эстонским меркам относительно обеспеченными, резко снижают потребление местной русскоязычной прессы, зато в 2 раза выше среднего потребляют эстонскую прессу, например, *Postimees* (55% при среднем 26%).

Что касается эстонской прессы, то в среднем больше обычного ее читает молодежь 15–19 лет и люди 45–54 лет (30% из них), люди с высшим образованием (около 40%) и с доходом свыше 250 EUR (около 50%). Учитывая, сколько людей смотрят эстонские телеканалы, можно сказать, что время, когда русскоязычное население в целом жило в основном в русскоязычном инфопространстве, прошло.

Российские же газеты читают в среднем 42% русскоязычных, в первую очередь это жители Северо-Востока Эстонии.

Использование Интернета

Эстония по праву считается одной из самых Интернет-продвинутых стран в Восточной Европе. В среднем в 2005 г. Интернетом не пользовались 35% всех жителей Эстонии – 32% эстонцев и 42% русскоязычных.

Нужно отметить, что разрыв между эстонцами и русскими в отношении доступа к Интернету и наличия персонального компьютера сокращается. Если в 2002 г. персональный компьютер был у 37% эстонцев и 28% неэстонцев, то в 2005 г. соответственно у 60% эстонцев и 56% неэстонцев. То есть во-первых, количество владельцев персональных компьютеров за 3 года увеличилось в 2 раза, а во-вторых, разрыв между эстонцами и неэстонцами почти исчез. Такая же картина и с Интернет-

соединением: если в 2002 г. оно было у 27% эстонцев и 19% неэстонцев, то в 2005 г. соответственно у 54% эстонцев и 53% неэстонцев.

Естественно, возрастные различия здесь играют важнейшую роль – из числа молодых людей 15–19 лет 96% пользуются Интернетом, чему, несомненно, способствовала программа интернетизации школ «Прыжок тигра».

Образование также играет важную роль: не пользуются Интернетом 54% людей с образованием ниже среднего, 35% со средним и 17% с высшим образованием. Чем выше доход, тем шире использование Интернета: среди людей с доходом свыше 385 EUR на человека лишь 10% не пользуются Интернетом.

Группы русскоязычных потребителей СМИ

Условно из числа русскоязычных потребителей СМИ можно выделить следующие группы с очень разными ориентациями:

«Глобалисты-визуалы»: Это молодежь 15–19 лет, которая концентрируется на всех доступных каналах, предоставляющих информацию в аудиовизуальном (Интернет, ТВ, радио, зарубежные журналы), местную же печатную прессу читает нерегулярно или вообще не читает. В этом их отличие от эстонских сверстников, среди которых «непотребителей» печатных изданий очень немного.

«Всеядные глобалисты». Это люди 20–29 лет (ориентируются на англоязычные и финские каналы), жители Таллинна и его окрестностей, люди с высоким доходом и уровнем образования.

«Участвующие в эстонском информационном поле»: это молодежь 15–19 лет (испытывающая влияние школы) и люди 45–54 лет, которые смотрят эстонские телеканалы, слушают радио и просматривают журналы. Это также жители села и малых городов Эстонии (т. е. живущие в эстонском окружении).

«Ориентированные на российские СМИ» – жители Ида-Вирумаа, которые находятся в первую очередь в зоне влияния российских СМИ, затем местной прессы и в наименьшей степени – общеэстонских каналов, хотя и бы и русскоязычных.

«Ориентированные на успех» люди с доходом 250–385 EUR и средним образованием, которые больше других потребляют СМИ на эстонском языке, а также все общеэстонские СМИ на русском языке (ежедневные и еженедельные газеты, радио) и меньше всего доверяют собственному мнению. Интересующая их в СМИ информация – это весь политический блок, информация об Эстонии и оценки событий, скандалы, светская хроника, известные личности, преступность, мода. То есть эта группа более других старается быть в курсе всех событий и оценок этих событий и старается добиться успеха, проявляя в качестве средства его достижения наибольший конформизм по сравнению с другими группами русскоязычных.

Условная «элита»: это наиболее обеспеченные русскоязычные с доходом свыше 6000 ЕЕК на члена семьи и высшим образованием, которые больше среднего потребляют глобальные и «качественные» эстонские источники информации. Выбор ими медиаканалов зависит не столько от их языка, сколько от качества информации. Так, из эстонских СМИ они регулярно читают *Postimees* (крупнейшая эстонская ежедневная газета), *Äripäev* (деловая газета), экономические журналы на русском, эстонском и английском языках, при том, что они регулярно читают и русскоязычные газеты, они не считают местные СМИ на русском языке надежным источником информации и больше всего доверяют собственным суждениям.

«Неинформированные»: это наименее обеспеченные русскоязычные с низким уровнем образования, которые меньше всего потребляют СМИ и доверяют себе, но больше ориентируются на слухи и мнение официальных источников. Почти половина их вообще не читают ни одной русскоязычной газеты, 80% вообще не читают

эстонскую прессу. Из всех СМИ они выбирают наиболее дешевые, обеспечивающие наиболее локальную информацию (местные газеты и радио).

Множественные идентичности русскоязычного населения как механизм адаптации

В самом широком смысле под *коллективной идентичностью* далее подразумевается чувство принадлежности (привязанности) индивида к определенной группе.

Формирование идентичности русскоязычных в Эстонии исследовали Аасланд [1996]; А. и М. Кирх, Т. Туйск [1997]; П. Колсто [1996]; Д. Лайтин [1998]; М. Лауристин и др. [1997]; Х. Линц, А. Степан [1996]; Г. Смит и др. [1998]; Т. Вихалемм и А. Массо [1999, 2002]. Все они пришли к выводу о множественности этих идентичностей и формировании местных идентичностей, отличных от идентичности российских русских, которые имеют свои особенности в различных республиках бывшего СССР. Это соотносится с данными Пилкингтон [Pilkington 1998] и Е. Филипповой [Филиппова 1997, с. 62], которые в ходе изучения процессов адаптации переселенцев в Россию из республик бывшего СССР обнаружили, что те определяют себя как «других русских», отличных от «местных», тогда как «местные» определяют их как «киргизов», «прибалтов» и т. д.

Стефан и Линц, а также Оффе полагали, что способность одновременно быть носителями различных идентичностей является залогом того, что русскоязычные жители Эстонии могут быть лояльными гражданами Эстонской Республики и участвовать в демократических процессах в Эстонии. Они предполагали, что русскоговорящее меньшинство в странах Балтии может сохранить свою культуру и приобрести политическое и социальное самосознание в соответствии с местом проживания благодаря «слабым связям со своей родиной и до некоторой степени двойственному самосознанию» [Linz, Stepan 1996, с. 414]. Оффе представляет явление множественности идентичностей как одно из естественных *эволюционных лекарств* для напряженных межэтнических отношений [Offe 1996, с. 80].

Ряд исследователей также отмечают слабую связь местных русских с Россией как с государством. Смит и Уилсон [Smith, Wilson, 1997, с. 857] полагают, что скорее русскоязычные в бывших советских республиках будут испытывать близость с местной титульной группой, чем с Россией. Степан и Линц пришли к выводу, что русские практически не чувствуют своей связи с новым российским государством [Linz, Stepan 1996, с. 410–411]. Аасланд [1996] и Колсто [1996] считают эту связь теоретически возможной, приводя в качестве аргументов отсутствие корней у русских в Эстонии, компактность проживания и близость к России. Тем не менее, они не считают, что эта идентичность может быть доминирующей.

Часть исследователей – например Аасланд и Лайтин – считают, что имеет место постепенная и частичная ассимиляция русскоговорящего населения (особенно молодого поколения) с господствующей культурой. Колсто также предусматривает эту возможность, тогда как Стефан и Линц оспаривают этот взгляд, заявляя, что «русское меньшинство в странах Балтии абсолютно не способно ассимилироваться в культурном отношении с демократическим национальным государством в течение одного или двух поколений» главным образом из-за плохого знания местных языков [Linz, Stepan 1996, с. 413–414]. Данные различных исследований, сделанных эстонскими учеными, показывают, что за 15 лет ассимиляционные процессы остались слабыми. Несмотря на то, что во второй половине 1990-х годов наметилась тенденция отдавать детей из русскоязычных семей в эстонские школы, в 2000-х годах и она пошла на спад, родители стали отдавать предпочтение образованию на родном языке с сильным преподаванием эстонского языка. Еще одним важным моментом является рост значимости родного языка для русскоязычных: по данным исследования «Я, мир и медиа», только за 3 года с 2002 по 2005 г. значимость его выросла с 64% до 73%. 50% русскоязычных (и только 25% эстонцев) также верят, что через 10 лет возрастет значимость русского как языка

международного общения. То есть на фоне улучшения знания эстонского и иностранных языков символическая значимость родного языка для русских в Эстонии возрастает.

Т. Вихалемм и А. Массо в публикации 2003 г. в журнале «Диаспоры» указали на отсутствие какой-либо идеи или привязанности, объединяющей всех русскоязычных. В этой работе они использовали ретроспективный подход к идентичности, сравнивая, как люди (по их собственной оценке) чувствовали себя 15 лет назад (в 1989 г.) и сейчас (в 2003 г.). В результате они сконцентрировались на трех моделях самоопределения эстонских русских: *локальной, этнокультурной и глобальной*. Приверженцев локальной и этнической модели идентификации оказалось примерно по 40%, носителей глобальной модели – около 20%.

Приверженцы локальной модели больше ощущают свою общность с жителями Эстонии, чем с русскими, проживающими в России, в этой группе больше таллиннцев и меньше жителей Северо-Востока Эстонии, их уровень образования и чтения эстонских газет больше, чем средний по выборке.

Люди, ориентированные на этническую модель, острее ощущают свою солидарность с обездоленными, 25% из них редко или никогда не пользуются эстонским языком в повседневной жизни, все они практически не пользуются английским языком.

Носители глобальной модели испытывают чувство общности с людьми с похожими вкусами, с европейцами, с жителями Северных стран, гораздо активнее среднего используют английский язык и потребляют англоязычные телеканалы [Вихалемм, Массо 2003, с. 248–249].

Еврорусские: насколько европейцы и насколько русские?

В последнее время в научный обиход и в язык СМИ вошло выражение «еврорусские» [Симонян 2005, с. 6]. Однако справедливо обозначая тенденцию «европеизации» русскоязычного населения в странах Балтии в целом и очень корректно описывая проявления этой «европеизации», сам Симонян под крышей этого привлекательного термина объединяет два слоя, требующих, на мой взгляд, более четкого разграничения.

С одной стороны Симонян говорит о естественном процессе, происходящем со всеми диаспорными сообществами: о том, что со временем их культура становится гибридной, впитывая черты культуры большинства и в то же время выборочно сохраняя определенные черты родной культуры. Размер диаспорного сообщества, близость этнической родины и доступность ее СМИ, ее статус по сравнению с государством проживания влияют на степень сохранения культурной специфики. Набор же стержневых характеристик идентичности этнического большинства влияет на выбор сообществом черт, символизирующих в нашем случае его «русскость». В случае Эстонии и Латвии (поскольку стержнем этнокультурной идентичности титульных народов в первую очередь является их язык) он приобрел особую значимость и для русскоязычных в этих странах, и эта значимость в последние годы растет⁸.

В наших же условиях на культурную гибридность влияет и тот фактор, что культура большинства в течение последних 15 лет испытала мощное влияние со стороны культуры европейских и северных стран. Более того культура русского большинства в России также претерпела огромные изменения в первую очередь под влиянием американской версии западной культуры. Так что наша культурная гибридность неизбежна. Неизбежно и то, что различная культура бывших республик бывшего СССР, различные внешние акторы, на которых ориентируется политическая элита этих стран (ЕС, США, Румыния, Турция, исламские государства), определяют особенности дальнейшего развития русскоязычных

⁸ Это показывают и приведенные выше результаты опроса, и то, что для всех слоев русскоязычного населения (в первую очередь для людей с высоким уровнем образования) вопрос доступности школьного образования для детей на родном языке является принципиальным

диаспорных сообществ в различных республиках бывшего СССР, а также в странах Запада.

С другой стороны, в рамках этого «гибридного» сообщества сформировалась группа русскоязычных с так называемой *глобальной* или *надрегиональной ориентацией*. Сюда входят те, кто ощущают свою общность и готовы совместно действовать с европейцами, со всем человечеством и с жителями Северных стран⁹. Причем удельный вес этой группы среди русскоязычных постепенно увеличивается. Если на 2002 г. эта группа составляла 20% русскоязычных, то к 2005 г. доля лиц с сильной глобальной ориентацией¹⁰ увеличилась до 25%. Учитывая, что доля лиц со слабо выраженной глобальной ориентацией¹¹ составляет еще 23,1%, можно сказать, что в той или иной мере эта ориентация свойственна половине русскоязычных.

Какие же характеристики присущи говорящим на русском языке людям, чувствующим свою общность с данными категориями? Как и можно было бы ожидать, в первую очередь сильная глобальная ориентация свойственна молодому поколению: 74,5% русскоязычных с сильной глобальной ориентацией – это люди 15–44 лет (что на одну треть больше, чем число людей этого возраста в среднем по выборке). Чем моложе опрошенные, тем сильнее выражена среди них глобальная ориентация. Также ожидаемо, что высокий доход (свыше 250 EUR на члена семьи) способствует усилению глобальной ориентации. А вот формальный уровень образования русскоязычных практически не влияет на формирование у них глобальной ориентации.

Люди с сильной глобальной ориентацией чаще владеют эстонским языком: 32,1% понимают, говорят и пишут по-эстонски (в среднем на таком уровне владеют эстонским 21,8% опрошенных), 9,2% владеют свободно (в среднем 6,3%). 61,1% используют эстонский постоянно в повседневной жизни (в среднем 45,6%). Тех, кто понимает, пишет и говорит по-английски (29%), а также использует его в повседневной жизни (30,6%), среди них в 2 раза больше, чем в среднем по выборке. Как можно было бы ожидать, эти люди имеют больший опыт различного рода контактов со странами Запада и Северными странами. Любопытно то, что слабые контакты со странами бывшего СССР ослабляют эту ориентацию, а более широкие – несколько усиливают ее. Можно лишь предположить, что возможность сравнивать развитие в Эстонии и других странах бывшего СССР способствует усилению глобальной ориентации.

В то же время такие характеристики, как регион проживания, тип поселения (столица, небольшой город, поселок) практически не оказывают влияния на глобальную ориентацию респондентов.

Вполне ожидаемо и то, что эта категория русскоязычных более позитивно оценивает изменения, произошедшие за последние 15 лет, а также присоединение Эстонии к ЕС. В то же время важно, что русские не перестают чувствовать себя в Эстонии русскими, так что предположение Симоняна о том, что они уже стали субэтносом [Там же, с. 174] представляется нам преждевременным – для этого не только соплеменники должны видеть их «особенность», но и группа должна сама себя определять как *отличную* от основного этноса. С другой стороны естественно, что русские за пределами России могут по своему представлять себе наполнение слова «русский», и это представление может не вполне совпадать с представлением россиян. Здесь проявляется тот парадокс, что этнические идентичности, будучи усваиваемы в процессе первичной социализации, являются все же сконструированными и культурно обусловленными.

⁹ Среди эстонцев тех, кто ощущает свое сходство с жителями Северных стран и европейцами традиционно больше, чем среди русских, однако в обеих группах наблюдается тенденция к быстрому усилению глобальной ориентации.

¹⁰ Под «сильной глобальной ориентацией» подразумевается совокупность «ощущения своего сходства с данной группой, чувства «Мы» и готовности действовать совместно с членами этой группы.

¹¹ Те люди, которые ощущают свое сходство с представителями данных групп, либо готовы действовать вместе с их членами.

Второй проработанной нами ориентацией стала так называемая *этническая ориентация* (с русскими, эстонскими русскими, украинцами, белорусами, и т. д.). Оказалось, что сильно выраженная этническая ориентация наблюдается у 51% русскоговорящих респондентов, плюс к ним слабая ориентация выражена у 34,3% респондентов. Таким образом, по сравнению с 2002 г. этническая ориентация усилилась. Здесь стоит отметить, что чувство принадлежности к этнической группе у эстонцев еще сильнее, чем у русскоязычных, причем с 2002 по 2005 г. оно также усилилось. Существенно, что этническая идентификация без территориальной коннотации (*русские*) для эстонских русских приемлема несколько чаще, чем территориально-культурная идентификация (*эстонские русские*), однако есть и группа тех, кто обозначает себя именно на местном уровне. Для большинства же приемлемы обе категории.

Важно отметить, что ориентация на свою этническую группу – отнюдь не свойство каких-либо низкостатусных групп. Она одинаково важна для людей разного возраста, с разным доходом, гражданством, местом проживания. Наличие контактов с другими странами – как с республиками бывшего СССР, так и со странами Запада – также практически не оказывает влияния на эту ориентацию.

Можно предположить, что свободное владение английским языком и его постоянное употребление, а также причисление себя к высшему классу несколько ослабляет этническую ориентацию (у этой группы сильная глобальная ориентация). Свободное или хорошее владение эстонским языком и его постоянное употребление, а также причисление себя к среднему классу немного усиливают ее. Последнее могло бы представляться закономерным, учитывая важность этничности для эстонцев, однако статистически эти тенденции выражены довольно слабо.

Людам с сильно выраженной этнической ориентацией также свойственна несколько более позитивная оценка перемен, произошедших в Эстонии за последние 15 лет, и позитивная оценка вступления в ЕС, чем людям, не имеющим такой ориентации. Любопытно то, что оценка СССР также не влияет на эту ориентацию. По данным опроса 2005 г. в среднем лишь 12% русскоязычных (при 29% эстонцев) оценивают советское время негативно, что соотносится с высказанным Т. Вихалемм и А. Массо [*Вихалемм, Массо 2003, с. 247*] мнением о том, что советский период не оценивается людьми однозначно.

Довольно сильной локальной идентичностью: около трети русскоязычных чувствуют свою общность с соседями, людьми из того же города, волости.

Дефицитом гражданской идентичности в узком смысле: отождествление по принципу общего гражданства остается стабильно низким у русских и у эстонцев (чуть больше 20%). Formой проявления гражданской идентичности можно считать и ощущение «мы» с другими народами, живущими в Эстонии (13% у эстонцев и 17% у русских в 2005 г.). Уровень солидарности с этническим «другим» в целом низкий, и имеется тенденция в сторону уменьшения этой солидарности. В качестве категории *гражданской идентичности в широком смысле* можно считать чувство отождествления себя *со всеми людьми, которые живут в Эстонии*. Она более популярна среди русскоязычных (44%), чем среди эстонцев (32%) однако с 2002 по 2005 гг. получила большее распространение среди обеих групп.

Так что можно осторожно предположить, что европейскость не является у эстонских русских антиподом русскости, а также ощущения своей принадлежности к обществу Эстонии, а напротив, успешно сочетается с ними. Причем, русскость больше не является синонимом бедности и неудачливости, как это было, судя по контент-анализу прессы, в 1990-х годах [*Jakobson 2002, с. 219*]. Напротив, люди с более высоким доходом стали чаще идентифицировать себя со своей национальной группой, с европейцами, жителями Северных Стран, коллегами по работе, учебе, людьми, с которыми у них общие увлечения. В

целом можно предположить, что за короткий промежуток времени этническая ориентация стала универсальной.

В целом же результаты данного исследования соотносятся с утверждением многих авторов о «множественных идентичностях» русскоязычных за пределами России, где различные пласты не вступают в конфликт, а дополняют друг друга. Оказавшись в сложной политической ситуации в первой половине 1990-х годов, будучи «вытолкнуты» из эстонского государства и общества и игнорируемы ими, русскоязычные в Эстонии воспользовались возможностью сконструировать множественные идентичности как механизмом адаптации. Конструирование этих идентичностей велось не по принципу противопоставления себя каким-либо группам («мы не такие, как...»), а по принципу поиска сходства между собой и другими («мы такие же, как...»).

Эта тенденция ярко проявилась в период с 1988 по 1992 гг., вплоть до момента принятия эстонским Парламентом Законов о гражданстве и иностранцах. В тот период русскоязычные через письма в русскую прессу призывали эстонцев к диалогу и совместным действиям, подчеркивая, что мы живем на одной земле, у нас есть общие проблемы и интересы. Не будучи услышанными эстонским населением и его представителями в тот период, русскоязычные переориентировались на ЕС. Это не было отождествление, в начале 1990-х годов это были идеалистические ожидания типа «вот придет барин – барин нас рассудит», т. е. даст всем гражданство, решит наши проблемы и т. д. Когда этого не произошло, это идеалистическое представление на короткий период сменилось некоторым разочарованием. При этом ожидания помощи от России были изначально минимальны после того, как бывший президент РФ Б. Ельцин «без боя» сдал позиции в отношении гражданства неэстонцев, а вся последующая российская официальная риторика «о защите прав соотечественников» скорее напоминала кидание вдогонку банановой кожурой.

Следующим этапом после разочарования в потенциальных «защитниках» извне стало разочарование в защитниках изнутри – в собственной политической псевдоэлите, которая крайне неэффективно защищала интересы русскоязычных в составе так называемых «русских партий» в эстонских демократических институтах. Возможно, что именно такая динамика развития событий обусловила нынешнюю аполитичность русскоязычных и неверие в возможность достигнуть значительных изменений политическими методами: уже в октябре 1999 г. более половины неэстонцев, обладая избирательным правом, не пришли на выборы органов местного самоуправления, а треть избирателей проголосовала за «эстонские партии», к 2002 г. уже лишь четверть русскоязычных голосовала за «русские партии».

К 1999 г. русскоязычное население окончательно перестало ждать помощи от каких-либо «защитников», стало рассчитывать только на себя и перестало жаловаться в СМИ, и общественные организации. При поиске информации русскоязычные в значительной мере переориентировались со СМИ на интерперсональные источники как на наиболее заслуживающие доверия. Их адаптация на индивидуальном уровне идет довольно успешно – важную роль в этом играет Интернет, будучи и источником информации о возможностях заработка, учебы, коммерческих возможностях и важным инструментом установления контактов в Эстонии и за ее пределами.

При том что люди осознают свою русскость как ценность, правы и те авторы, которые говорят о слабой связи русскоязычных в странах Балтии с новым российским государством. Так, несмотря на относительную простоту процедуры получения российского гражданства значительное число людей предпочли остаться лицами без гражданства. И несмотря на распространенное среди молодежи и среднего поколения мнение о недостатке возможностей для самореализации в Эстонии люди не стремятся переехать в Россию, а скорее готовы искать такие возможности на Западе. И не только потому, что видят там больше возможностей: в России (даже при субъективном ощущении себя «русскими» и общности языка) им придется вновь переживать

мучительный процесс адаптации к новым социальным условиям. Поэтому ожидание Р. Симоняна [Симонян 2005, с. 193], что русскоязычные из стран Балтии смогут стать теми «варягами», которые при наличии политической воли со стороны России смогут способствовать ее возрождению, мне кажется излишне оптимистичным.

Литература

- Вихалемм Т., Массо А.*, Динамика идентичности русских в Эстонии в период постсоветских трансформаций // *Диаспоры*. 2003. № 2.
- Григорян Р.* Государственная программа «Интеграция в эстонском обществе в 2000–2007 гг.». Результаты реализации // *Национальные меньшинства в странах Балтии: процесс интеграции, материалы. Международный семинар. Таллинн. 14–15 июня 2002.*
- Кортс К.* Национальный и интеграционный дискурс в политических газетных текстах // Р. Кыутс (сост.) *Разнообразие подходов к интеграции в СМИ: Интеграционный медиамониторинг 1999–2003.* Тарту: Ассоциация балтийских исследователей СМИ, Целевое Учреждение Интеграции, 2004.
- Космарская Н.П.* «Русские диаспоры»: политические мифологии и реалии массового сознания // *Диаспоры*. 2002. № 2.
- Руутсоо Р.* Гражданство и государственность. Государственное обучение, обществоведение или граждановедение? // Pavelson M. (ред.) *Ühiskond ja riik, VERA-projekt*, Таллинн, 2000.
- Сайт Департамента Статистики ЭР. <http://pub.stat.ee/px-web.2001/Dialog/Saveshow.asp>
- Симонян Р.Х.* Россия и страны Балтии. М.: РАН, 2005.
- Субботина И.А.* Русские в Эстонии: альтернативы и перспективы // *Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение.* М.: ИЕА РАН, 1997.
- Филиппова Е.И.* Адаптация русских вынужденных мигрантов из нового зарубежья // *Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение.* М.: ИЕА РАН, 1997.
- Халлик К., Саар Э., Хелемяэ Е.* Неэстонцы на рынке труда в новой Эстонии. Москва: Канон-Пресс-Ц, 2001.
- Якобсон В.* Влияние вступления ЭР в ЕС на идентичность русскоязычного населения и отражение этого процесса в русскоязычной прессе в 2003 г. // *Разнообразие подходов к интеграции в СМИ: Интеграционный медиамониторинг 1999–2003 / Р. Кыутс (сост.).* Тарту: Ассоциация балтийских исследователей СМИ, Целевое Учреждение Интеграции, 2004.
- Aasland A.* Russians outside Russia: the New Russian Diaspora // *Smith G. The Nationalities Question in the Post-Soviet States.* London; New-York: Longman, 1996.
- Anderson B.* *Imagined Communities.* London: Verso, 1989.
- Estonian Migration and Citizenship Board Yearbook. 2006: http://www.mig.ee/downloads/312/aastaraamat_2006.pdf
- Hallik K.* Citizenship and Perspectives of Equal Political Participation in Estonia // *Центр Информации по правам человека. Media Against Intolerance and Discrimination: Estonian Situation and International Experience.* Tallinn, 2006.
- Jakobson V.* The Role of the Russian-Language Media in Estonian Society // *Baltic Media in Transition / Vihalemm P. (ред).* Tartu: Tartu University Press, 2002.

- Kalmus V., Lauristin M., Prulman-Vengerfeldt P.* (ред.) Eesti elavik 21 sajandi algul. Tartu University Press, 2004.
- Kirch, A., Kirch M., Tuisk T.* Vene noorte etnilise ja kultuurilise identiteeti muutused aastatel 1993–1996 // *Järve P.* Vene noored Eestis: sotsioloogiline mosaiik. Tallinn: Avita, 1997.
- Kolsto P.* The New Russian Diaspora – an Identity of It's Own? Possible Identity Trajectories for Russians in the Former Soviet Republics // *Ethnic and Racial Studies*. July 1996. Vol. 19. № 3.
- Kolstø P.* Territorialising Diasporas. The Case of the Russians in the Former Soviet Republics // *Millennium. Journal of International Studies*. L., 1999. Vol. 28. № 3. <http://www.uio.no/~palk/home/Territorialising.htm>
- Laitin D.* Identity in Formation, the Russian-speaking Population in Near Abroad. Cornell University Press, 1998.
- Lauristin M., Heidmets M.* The Challenge of the Russian Minority. Tartu: Tartu University Press, 2002.
- Lauristin M., Vihalemm P., Rozengren K-E., Weibull L.* Return to the Western World. Tartu: Tartu University Press, 1997.
- Linz J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation. Baltimore; London: The John Hopkins University Press, 1996.
- Mapping Diasporic Minorities and Their Media in Europe. 2002: http://www.lse.ac.uk/collections/EMTEL/Minorities/Minority_framework.doc
- Monitoring the EU Accession Process: Minority Protection // *Minority Protection in Estonia: An Assessment of the Programm Integration in Estonian Society*. Open Society Institute, 2002. http://www.eumap.org/reports/2002/minority/international/sections/estonia/2002_m_estonia.pdf
- Offe C.* Varieties in Transition. Cambridge: Polity press, 1996.
- Pavelson M.* Töö, sisseulek ja toimetulek: integratsiooni sotsiaal-majanduslik tagapõhi // *Integratsioon Eesti Ühiskonnas, Monitooring 2002*. Tallinn, 2002.
- Pilkington H.* Migration, Displacement and Identity in Post-Soviet Russia. London; New York: Routledge, 1998.
- Pettai I.* Tolerance Towards Minorities in Estonia // *Media Against Intolerance and Discrimination: Estonian Situation and International Experience*. Tallinn: Legal Information Centre for Human Rights, 2006.
- Polestchuk V.* Non-Citizens in Estonia (report). Tallinn: Центр Информации по правам человека, 2004.
- Proos I.* Mitte-eestlaste keeleoskus : trendid ja muutused, ettekanne. 2002.
- Riiklik programm. Integratsioon Eesti ühiskonnas (2000–2007). <http://www.riik.ee/saks/ikomisjon/programm.htm>
- Secretariat of the Framework Convention for the Protection of National Minorities: Second Report submitted by Estonia pursuant to Article 25, paragraph 1 of the Framework Convention for the Protection of National Minorities received on 15 July 2004.
- Smith G., Wilson A.* Rethinking Russia's Post-Soviet Diaspora: the Potential for Political Mobilization in Eastern Ukraine and North-East Estonia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 49, No 5. July 1997.

- Smith G., Law V., Wilson A., Bohr A., Allworth E.* Nation-Building in the Post-Soviet Borderlands. The Politics of National Identities. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Sulg Ü.* Muulaste integreerimine Eesti ühiskonda läbi hariduspoliitiliste valikute. Бакалаврская работа, отделение политологии социального факультета Тартуского Университета. Tartu, 1998. http://www.ut.ee/ABVKeskus/publ/1998/mi/muulaste_integreerimine.html
- Vihalemm T.* Changing Discourses on Values in Estonia // Lauristin M., Vihalemm P., Rozengren K-E. Weibull, Return to the Western World. Tartu: Tartu University Press, 1997.
- Vihalemm T.* Group Identity Formation Processes Among Russian-Speaking Settlers of Estonia: a View from Linguistic Perspective // Journal of Baltic Studies. 1999. 30:1.
- Vihalemm T., Masso A.* Patterns of Self-Identification Among the Younger Generation of Estonian Russophones // The Challenge of the Russian Minority: Emerging Multicultural Democracy in Estonia / M. Lauristin, M. Heidmets (Eds.). Tartu: Tartu University Press, 2002.